

Не допускайте ошибку, страх в моем сердце по-прежнему был очень реальным, но спокойствие от того, что я наконец принял свое решение и сделал шаг вперед, несмотря на то, что при следующем шаге мог дрогнуть, было вдохновляющим. Признание в собственных грехах было очень обновляющим, больше не нужно было скрывать их за безвестностью, и благодаря этому мир казался все более ярким и живым.

Я никогда не общался с моими ящерицами через обсуждения, такое было просто невозможно. Сердце семье могло нести лишь эмоции и намерения. Оно было свободно от обмана, но не могло передать детали. Они никогда не узнают всю правду о моих прегрешениях до такого дня, когда мы фактически сможем говорить друг с другом. И хотя они знали, что мои чувства пришли не из отдельной ящерицы, а из ядра сердца семьи, я до сих пор был какой-то таинственной и объединяющей силой для них. Для меня было редкостью "говорить" с ними со всеми во время моей исповеди, что вызвало прекращение всякой деятельности.

Я чувствовал страх и гнев, проникающие через сердце семьи, направленные на меня. Я не мог винить их. Из тех, кто больше всего мог меня понять, некоторые почувствовали себя неуверенно и отстранились от сердца семьи. Дети, которым было трудно осмыслить эти сложные чувства, в большинстве своем запутались и ютились поближе к своим семьям для утешения.

Я неправильно повел себя с ними; я перестал быть заботливым Надзирателем и превратился в эгоистичного незваного гостя. Чувство вины, которые я уже ощущал, было усилено их реакцией, и мне было по-настоящему стыдно. Все мое существо дрогнуло под их осуждением.

Но то чувство, которого я больше всего боялся, желание отделиться от меня так и не пришло. Действительно, некоторые отстранились, но они никогда полностью не оборвали со мной связь. Главным образом, как казалось, им требовалось время, чтобы свыкнуться с моими грехами, что осложнялось моей бесформенностью и их неспособностью непосредственно взаимодействовать со мной лицом к лицу.

Однако самый большой сюрприз я получил от двух ящериц, которым я дал имена. Искатель острых ощущений, который теперь был в преклонном возрасте, и Коллекционер оба узнали меня. Я чувствовал, как они оба тянулись ко мне, желая прикоснуться ко мне больше, чем кто-либо другой. Я был в шоке и не знал, как реагировать. Я всегда был тем, кто обращался к ним через сердце семьи, и в то время как группа, в целом, иногда успокаивала мои бушующие эмоции, это случалось только потому, что некоторые члены их расширенной семьи чувствовали сильную боль; настолько сильную, что она резонировала через сердце.

Но Искатель острых ощущений и Коллекционер были другими. Несмотря на то, что они прежде были смутно осведомлены о моем присутствии, мое признание придало некоторую форму бытию, которое помогло им соединить их со своими желаниями. Посредством моей кражи их тел, они оба пришли к большему пониманию себя, и достигли целей, которые, как они думали, были несбыточными мечтами. И я понял, что они пытались поблагодарить меня.

Я был ошеломлен, полностью застигнут врасплох. Я делал эти ужасные вещи... и меня за это благодарили? Среди чувств раскаяния и растерянности был также... восторг? Даже несмотря на то, что я поступил в отношении них неправильно, мои действия по-прежнему давали положительные результаты, достаточными для того, чтобы быть за них благодарными. Могло ли быть так, что мои действия не были полностью неправильными... а были просто ошибочными? Я думал, что никогда бы снова не вторгся в их тела после этого, но теперь я

решил пересмотреть свой образ мышления.

Самой большой проблемой была зависимость и использование их тел для моей собственной личной выгоды без их ведома. Что, если бы вместо этого я попросил у них разрешения, и использовал способности так, как они должны были быть использованы, например, когда я помогал Искателю острых ощущений наладить связь с его Быстрым прыгуном... это может быть ответом?

Чем больше я думал об этом, тем сильнее стала моя связь с Искателем острых ощущений и Коллекционером. Как будто я общался с ними напрямую. Я думал, что такое невозможно, но так ли это на самом деле? Даже если это могли сделать только эти двое, они видели меня в качестве... индивидуума. Для них я был не просто сердцем семьи, но фактическим живым существом. Мое присутствие выходило за рамки простой идеи или общего культурного феномена.

Я был личностью. Они оба пришли к такому выводу. В момент нашей связи, наших взаимных признаний существования друг друга, я смог увидеть, как они видели меня в первый раз. Для них я был блестящим синим светом, и хотя я существовал в них всех, я присутствовал и за пределами этого. Я был больше их связей с семьей и соседями. Я был маяком, вдохновением, родителем, даже ребенком. Я существовал как внутри них, так и за их пределами. Это было своего рода откровением на тот момент.

Что касается Искателя острых ощущений, который прожил долгую жизнь, то откровение его одновременно шокировало и позволило расслабиться. Как будто он действительно понял мир, потому что для него этим миром был я. Все его воспоминания, все его мысли, жизнь разочарований и достижений, печали и любви протекла через меня. И точно так же, как я делал для каждого ящера, который умирал до него, я принял его с распростертыми объятиями.

Коллекционер никогда не получил шанс насладиться их общим откровением в этот единственный момент, когда мы втроем были связаны между собой. Опять же, он знал что-то, что не знали другие, что-то, что они могли не понять. Но на этот раз вместо того, чтобы отказываться от надежды, маленькое пламя горело глубоко внутри него. Там, где он принял свою одинокую реальность до этого, получив мое вдохновение, он знал, что сможет сам ковать свою судьбу так же, как он работал над созданием формы горячего металла. Огонь внутри него рос, как будто воздуховодные мехи раздували пламя.

Он оставил попытки стать более понятным для своих товарищей, и тем самым увековечил свою собственную изоляцию. И меня, существо, чью форму трудно было понять, даже несмотря на то, что я отличался от понимания моих ящериц не по дням, а по часам, тем не менее мне как-то удалось то, чтобы ящерицы поняли мое признание, несмотря на нашу неспособность общаться напрямую. Если я мог преодолеть такие большие пробелы в понимании, то, конечно, Коллекционер также был бы способен на такие мелкие подвиги.

И снова я существовал, чтобы вдохновлять его не через какой-либо вид связи, а просто посредством моих действий. Это было обнадеживающе. Вполне возможно, что для меня осталась еще какая-то надежда после всего этого.

Таким образом, в то время как мне был объявлен выговор, и я был наказывал за свои решения и за последующие попытки скрыть их, никто из моих ящериц не подумал о том, чтобы бросить меня. Несмотря на то, что я принимал плохие, даже ужасные решения, они по-прежнему принимали меня со всеми моими недостатками. Независимо от моего прошлого или всех ужасных воспоминаний о том, кем я когда-то был, ничто не изменило тот простой факт, что я

был их семьей.

Я действительно чувствовал, что в этом мире у меня не может быть никакой другой семьи, кроме моих любимых ящериц. Они были моим счастьем, моей радостью, моим миром, и мое сердце расцвело от любви к ним. Я хотел только того, чтобы такие дни продолжались до конца моей жизни.

<http://tl.rulate.ru/book/612/22852>